

ПЕРЕКРЕСТКИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

А. Ю. ПЕРЕТЯТКО

ТРИ «ГЛАВНЫХ ОСНОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА» (КНЯЗЬ А.М. ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ О ВАЖНЕЙШИХ ТРАДИЦИЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ)

Статья посвящена анализу известного исторического документа, «Записки о Войске Донском» князя А.М. Дондукова-Корсакова, как источника о традициях донских казаков. Дондуков-Корсаков выделял три важнейшие традиции Донского Войска: «поземельное начало», «замкнутость» и «выборное начало». Автор, сопоставляя его утверждения с другими источниками, приходит к выводу, что указанные три традиции действительно играли большую роль в существовании донского казачества, однако их безоговорочно положительная оценка, характерная для донских консерваторов в прошлом и настоящем, противоречит многим историческим фактам.

Ключевые слова: донское казачество, казачьи традиции, А.М. Дондуков-Корсаков, система землевладения, сословная замкнутость, выборность в Донском Войске

Традиции казачества... Эта тема в последние десятилетия приобрела популярность. Возрождение казачьих войск, появление в России и сопредельных странах тысяч людей, позиционирующих себя в качестве казаков, неизбежно поставили вопрос о том, какими были казаки прошлых веков, каких традиций они придерживались. Попытки ответить на этот вопрос привели к появлению целого вала научной, околонучной и псевдонаучной литературы, в которой «исторические традиции казачества» рассматриваются как некий вневременной идеал. К сожалению, немалой популярностью у людей, ищущих «исконные» традиции казачества пользуются не выдерживающие никакой исторической критики мифы. В серьезных работах также отведено немало места традициям донских казаков¹, однако в них не уделялось внимания одному тексту, известному историкам, но рассматриваемому обычно в рамках изучения общественных движений на Дону в 1860 гг. Между тем, этот текст представляет собой любопытнейшую попытку анализа донских традиций второй половины XIX в. их современником, к тому же популярным в казачьей среде и занимавшим высокую должность на Дону.

Речь идет о «Записке о Войске Донском», написанной в 1861 г. князем А.М. Дондуковым-Корсаковым². Уже сама история этого текста заслуживает внимания. Дело в том, что в эпоху Александра II российское правительство приступило к серьезным реформам казачества, реформам, которые, по мнению современного историка Р.Г. Тикиджьяна,

¹ Водолацкий и др. 2005; Рыблова 2001; 2002; 2016.

² Карасев 1896.

знаменовали начало процесса «модернизации самого казачьего сообщества»³. Инициатор этих реформ, военный министр Д.А. Милютин, довольно критически относился к казачьим войскам как к государственному, военному и социальному институту и писал о необходимости «устранить все те устаревшие особенности казачьего быта, которые, не принося пользы в военном отношении, только задерживали гражданское преуспеяние и способствовали отчуждению казачьего населения»⁴. Такой подход вызвал серьезные опасения как у чиновников, так и среди общественных деятелей Земли Войска Донского. Показательна в этом отношении позиция старого донского атамана М.Г. Хомутова, который в личной переписке колебался между абсолютной поддержкой предстоящих реформ («мы можем быть покойны и уверены, что все будет к лучшему»⁵) и опасением перед ними («предстоит огромный переворот <...> дай Бог, чтобы все уладилось на счастье войска»⁶). Более решительные представители донского общества оказались расколоты на два лагеря, «прогрессистов», сторонников государственной политики, и «казакоманов», ее противников, причем накал страстей порой разрушал самые близкие отношения: например, два донских писателя и генерала, И.И. Краснов и И.С. Ульянов, из-за принадлежности к противоположным лагерям прекратили длившуюся много десятилетий дружбу⁷. Ситуацию на Дону накануне написания Дондуковым-Корсаковым его текста ярко описал один из современников событий, А.А. Карасев: «Сильная и многочисленная в то время партия «казакоманов», считавшая в своих рядах много членов из местного аристократического общества и интеллигенции, встрепенулась довольно заметно и увлекла за собою все общество, не считая немногих протестантов (имеются в виду немногочисленные «прогрессисты» – А.П.). Громкие разговоры в гостиных, канцеляриях и на улицах и резкие газетные статьи местной и отчасти столичной печати требовали «ненарушимости» существующего строя»⁸. В начавшемся конфликте между большинством донской элиты и правительством А.М. Дондуков-Корсаков, начальник штаба Донского Войска, неожиданно встал на сторону противников государственной политики и даже стал идейным лидером казакоманов, сформулировав суть их идей следующим образом: «невозможно без некоторого риска, уничтожить в народе его исторические воспоминания, его вековые обычаи и преимущества, составляющие его гордость и благосостояние»⁹. Исходя из

³ Тикиджьян 2013. С. 80-92

⁴ Volvenko 2016. S. 403.

⁵ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 12об-13.

⁶ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 117. Л. 19-20об.

⁷ Королев 1991. С. 231.

⁸ Карасев 1896. С. 570.

⁹ Там же. С. 580.

этого тезиса, казакоманы, не протестуя в принципе против реформ казачества, призывали правительство при их проведении исходить из традиций конкретных казачьих войск, а не из западных либеральных идей. Соответственно, важнейшей задачей казакоманов стало формулирование казачьих традиций, их донесение до российского общества и имперского правительства. И неудивительно, что Дондуков-Корсаков начал свою «Записку о Войске Донском», адресованную военному министру Милютину, с перечисления «главных оснований казачества», т.е. наиболее важных и общих традиций казачьего населения Дона¹⁰. В чем же он видел эти традиции? Насколько это согласуется с другими источниками? В чем было значение этих традиций для казачьего общества?

Первым из «главных оснований казачества» Дондуков-Корсаков считал особое «поземельное начало», в соответствии с которым «все земли войска составляют войсковую принадлежность»¹¹. Дело в том, что традиционно на Дону не было частной собственности на землю. Даже богатейшие донские дворяне выступали только пользователями своих поместий, не имеющими права продавать их. Попытки изменить такое положение дел наткнулись на сопротивление основной массы казачества, выступающей против нарушения традиций землепользования. Приведем характерное обращение к войсковым и имперским властям, сделанное депутатами от хоперских станиц в 1863 г.: «По праву гражданства Войска Донского мы считаем обязанностью так же заявить, что мнение помещиков, желающих продавать иногородним земли, полученные ими от войска в виде дара, с таким же ограничением, которое положено и теперь, основано на одних видах личной их выгоды, и противоречит общему праву на владение землями Войска Донского»¹². Дондуков-Корсаков весьма положительно оценивал такое отношение к частной собственности на землю, до 1860 г. закрепленное в российском законодательстве. Князь сравнивал его с майоратом, «сохраняющим значение известного рода», и утверждал, что «продажа земель иногородним ввела бы в войско новый, независимый от его учреждений, элемент», а поэтому запрет на владение землей «имеет целью сохранение принципа казачества»¹³. Однако подобная точка зрения находила поддержку далеко не у всех государственных деятелей Российской империи. В частности, министр внутренних дел эпохи Великих Реформ, П.А. Валуев, возмущался тем, что казачьи традиции землепользования «противоречат понятию собственности (подчеркивание автора. – А.П.)»¹⁴.

¹⁰ Там же. С. 573.

¹¹ Там же.

¹² ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 16об.

¹³ Карасев 1896. С. 573.

¹⁴ Волвенко 2006. С. 20-24.

Отсутствие частной собственности на землю имело большое значение для других казачьих традиций. Прежде всего, отметим характерное для Дона середины XIX в. неуважительное отношение к собственности вообще. В воспоминаниях В.Д. Новицкого, служившего на Дону как раз в 1860–1870 гг. так объясняется взаимосвязь этих двух явлений:

«Громадные рыбные ловли, нескончаемые задонские степи и кочевья были приведены в известность, и право владения этими землями не на глаз, как это было, определялось с точностью и законностью; станичные юрты стали тоже в определенные границы, и право пользования казака 35 десятин земли строго определялось, хотя и отдаленным законом 1865 года, но все-таки законом, а не *произволом* (т.е. до 1865 г. наблюдалась обратная ситуация. – А.П.). Хотя казаки и мирились с этими законодательными нововведениями, но туго, тяжело; на войсковую казну и собственность смотрели легко, и зачастую приобретали право на эту собственность всевозможными незаконными путями и способами».

«В г. Новочеркасске десятки лет строился в центре города собор, стоивший войсковой казне миллионы и неоднократно обрушивавшийся от дурной постройки, а, может быть, и от умышленных ошибок инженеров, архитекторов, строителей; от обрушивавшегося собора была масса миллионов кирпича, который свободно разбирался, расхищался, на глазах властей и комиссии, и свозился прямо в иные усадьбы для постройки домов; конечно, смотритель собора существовал, место обвалившегося собора было ограждено забором, но это отнюдь не отстраняло расхищение кирпича, каковой увозили, говоря, что это – *войсковое имущество, принадлежащее каждому казаку*. Были назначаемы атаманом следствия по хищению кирпича, но таковые делу не помогали, и кирпич продолжали раскрадывать и расхищать самым бесцеремонным образом (курсив наш. – А.П.)»¹⁵.

Впрочем, немногим лучше обстояло дело и с личной, а не войсковой собственностью. В 1876 г. в «Донских областных ведомостях» была описана следующая совершенно дикая ситуация:

«А. запахал загон; В., не обращая внимания на его загонок, запахал ниву, добавив к ней непахотной земли обмежки, и уехал. Но А., приехавши чуть не вслед за ним, засеял ниву пшеницей. Через три дня приехал В., и, рассердившись на поступок А., посеял сверх пшеницы овес. Летом на ниве выросли овес и пшеница. Два раза к этому месту ходилась община, но ни на чем не порешила. Затем А. в лунную ночь скошил хлеб зеленцом, а В. успел на заре перевезти скошенное на свое гумно». В других случаях казаки «производили бой чужих свиней, телят, гусей» или портили сельскохозяйственный инвентарь друг другу¹⁶.

Нам остается констатировать, что для донских казаков, как и для русских крестьян, было характерно общинное владение землей. Однако у этого владения была своя специфика: во-первых, до 1860-х гг. на Дону в принципе не было частной собственности на землю, а, во-вторых, исторической особенностью этого региона было крайнее многоземелье и приистекающая из него свободная запашка участков. В результате институт собственности должным образом не уважался, и в том случае, если казак захватывал государственное или войсковое имущество, дру-

¹⁵ Новицкий 1991. С. 53-54.

¹⁶ Харузин 1885. С. 16.

гие казаки вовсе не считали это преступлением. Довольно спокойно казаки относились и к уничтожению чужой собственности, и к попыткам тем или иным путем захватить дополнительные земли из юртовых наделов для личного пользования. Точнее, результатом подобных действий мог стать конфликт между несколькими казаками, но он обычно разрешался при помощи физической силы, а не обращения в соответствующие инстанции. Другой известный донской исследователь XIX века, И.В. Тимощенко, писал, что нередко «жители какого-либо поселка, стесненные в своих довольствиях, подъезжали к другому поселку и начинали пахать, а те тоже выезжали сюда же с плугами и начинали пахавших опахивать кругом, чтобы помешать им продолжать работу. Дело обыкновенно кончалось и тут тем, что многие возвращались домой с порубленными плугами и пробитыми головами»¹⁷.

Но вернемся к «Записке о Войске Донском» Дондукова-Корсакова. Следующей важнейшей традицией, «основным началом» донского казачества, князь считал «замкнутость его», «воспрещение выписываться из войскового сословия, а равно запрещение записываться в войско лицам других сословий государства»¹⁸. Нужно сказать, что уже у современников Великих Реформ эта традиция часто вызывала удивление. Широко известно, что исторически значительную часть донских казаков составляли беглые крестьяне, и в прежние века казачье сословие не было замкнутым. Пожилой донской генерал И.И. Краснов в 1862 г. выражал удивление по поводу того, что казакоманы, вопреки этому, считали именно замкнутость важнейшей традицией казачества. Генерал напоминал, что не только согласно летописям «всяк, кто желал, поступал в казаки», но и он сам в прежние годы служил с «многими генералами, штаб и обер-офицерами, которые не только не происходили от казачьих фамилий, но вовсе не были донцами, не только на Дону не родились, но даже не имели там никаких родственников и в казачью службу поступили сами». По его мнению, только в 1819–1821 гг. имперское правительство по каким-то причинам решило ограничить свободный доступ всех желающих в донское казачество, и навязать сверху принцип замкнутости, совершенно чуждый прежним донским традициям¹⁹. Подобная аргументация была хорошо известна казакоманам, но, соглашаясь с тем, что в прежние века в казачье сословие принимались иногородние, они подчеркивали: «Совершенной свободы вступления в Войско, в звание казака, никогда не было. ... Войско принимало к себе, в число своих членов, только того, кого оно само хотело принять; давало звание казака тому, кому оно можно было дать и кого оно считало достойным того»²⁰.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Карасев 1896. С. 574.

¹⁹ Краснов 1862. С. 343-344, 345-346.

²⁰ Volvenko 2015. S. 197.

Вопрос о том, как давно в Донском войске сложилась традиция замкнутости, к 1860 г. имел чисто историческое значение. А.М. Дондуков-Корсаков подчеркивал, что основой для нее была казачья гордость: «Войско Донское имеет свою историю, чего другие казачьи войска, исключая бывшего Черноморского, не имеют. <...>. Имена Ермака и некоторых популярных атаманов еще очень свежи в памяти народной; нет зажиточного казака, в доме которого не встретилось бы изображения покорителя Сибири или других известных войсковых лиц. Все воспоминания эти, вместе с заслугами войска в Отечественную войну и определенными подвигами частей и лиц оного в других кампаниях, заставляют казака гордиться своим военным значением. Как гражданин, каждый донской казак считает себя с некоторым основанием несравненно выше всех прочих податных сословий России». Далее князь напоминал, что и в экономическом отношении казаки находились в существенно лучшем положении, чем русские крестьяне²¹. Утверждения о гордости казаков по поводу своего сословного статуса встречаются и в архивных документах, созданных станичными депутатами. Вот ответ представителей хоперских станиц на предложение разрешить им выход из казачьего сословия: «Казаки дорожат правами и привилегиями, приобретенными долговременными заслугами, особенно же военным призванием своим, выработанным веками, и никогда не желали и не желают переменить своего звания. Следовательно, при таком общем направлении народа, изменение существующего запрещения выхода из казачьего сословия решительно никакой надобности не представляет». Хоперские депутаты выражали опасение, что, если замкнутость казачьего сословия будет уничтожена, то «безнравственные» и «бесполезные» казаки, чтобы облегчить свое положение, начнут выходить из него, и их дети окажутся лишены заслуженного поколениями предков высокого статуса²².

Таким образом, даже если до 1820 г. замкнутость и не была характерна для донского казачества, последующие четыре десятилетия законодательного запрета на вступление в казачье сословие наложились на специфическую казачью гордость, сформировав в итоге традицию казачьей замкнутости, которая, как и отношению к земле и собственности, оказалась устойчивой к правительственным реформам: хотя в 1869 г. был принят универсальный для всех казачьих войск закон, регламентирующий принятие в казачье сословие, на Дону он практически не применялся. Если в Семиреченском казачьем войске с 1871 по 1879 г. прием иногородних обеспечил 32% от общего прироста казачьего населения, то на Дону – только 3% (ниже он был только в Терском войске)²³.

²¹ Карасев 1896. С. 574-575.

²² ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 5- 5об.

²³ Волвенко 2012. С. 139.

Замкнутость донского казачества была по сути ксенофобской, чего не отрицал даже казакоман А.М. Дондуков-Корсаков. Он по этому поводу отмечал следующее: «Общепринятое у простых казаков название “москаль” и “хохол” для именованя жителей Российских губерний и Малороссии суть выражения хотя и не враждебные, но далеко не дружелюбные»²⁴. О степени этого недружелюбия можно судить по свидетельствам М.Н. Харузина, сделанным на основе личного изучения станиц: «Завидя, например, казака, иногородний еще издали обязан был поклониться ему; если же он этого не сделает, то “самый последний казачишка” мог совершенно безнаказанно побить его. Даже и в настоящее время, при решении тяжбы “русского” с казаком в станичных судах нередко применяется правило: “казака на мужика менять не приходится”»²⁵. Харузин приводил и прямую речь казака, «обосновывавшего» подобное отношение к крестьянам: «Вы – мужики, а мы – казаки, царские, значит, слуги»²⁶. Это отношение было типичным не только для простых казаков, но и для многих донских чиновников. В.Д. Новицкого жаловался: «Служба на Дону была нелегкою; нелегкость ее усугублялась еще тем, что я по происхождению не был казаком, хотя и был <...> переведен в лейб-гвардии казачий его величества полк. Казаки-донцы неохотно принимали в свою среду лиц, по происхождению не из казаков, относились к ним враждебно, называли их “иногородними” и в лице их видели своих недоброжелателей»²⁷.

Наконец, третьей важнейшей традицией донского казачества Дондуков-Корсаков считал «выборное начало», подчеркивая, что «простой казак гордится на станичных выборах и сборах своим правом голоса наравне с прежним своим командиром полка, офицерами, генералами, если они граждане одной с ним станицы»²⁸. Об устойчивости «выборного начала» в среде донского казачества сохранилось немало свидетельств. Во второй половине XIX – начале XX в. едва ли не каждая комиссия, в которой были представлены выборные депутаты от станиц, требовала расширения демократических элементов в управлении донским регионом. В 1860-е гг. представители от Черкасского и Хоперского округов призывали Военное Министерство вносить серьезные изменения в законоположения о донском казачестве только после утверждения этих изменений депутатами от всего войска, чтобы казаки были уверены, что их права не будут нарушены²⁹. В 1880-е гг. выборные от станиц рекомендовали Военному Министерству создать Хозяйственное Выбор-

²⁴ Карасев 1896. С. 575.

²⁵ Харузин 1885. С. XXVIII.

²⁶ Там же. С. XXIX.

²⁷ Новицкий 1991. С. 52.

²⁸ Карасев 1896. С. 577.

²⁹ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 2; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 79-79об.

ное Гражданское Управление, а при нем «Войсковой Круг, состоящий из представителей от каждой станицы по одному человеку, которые и должны обсуждать и утверждать все дела самого управления и предъявлять правительству наши нужды»³⁰. В 1890-е гг. уже не малообразованный станичный депутат, а А.А. Донецкий, будущий член Государственного совета Российской империи, выступил с инициативой «передать на предварительное заключение областного войска Донского дворянского собрания те возникающие на Дону вопросы, которые подлежат разрешению в законодательном порядке», чтобы правительство «всегда знало сущую о Донском крае правду, в ее неприкрашенном виде»³¹.

При этом нельзя не согласиться с Дондуковым-Корсаковым в том, что «выборное начало» донского казачества, в отличие от его «поземельного начала» и «замкнутости» было по своей сути близко западным либеральным идеям. Князь доказывал, что уважение к этому началу будет означать «сохранение привилегии самоуправления, пользования либеральными учреждениями»³². Однако парадоксальным образом даже в эпоху Великих Реформ Военное Министерство боролось с этой традицией, и в 1867 г. выборность большинства чиновничьих должностей на Дону была ликвидирована³³. Одна из формальных причин – большое число злоупотреблений, совершаемых донскими чиновниками³⁴. Впрочем, важнее то, что руководство Российской Империи не было готово к казачьей демократии, к тому, что малообразованная масса простых станичников, получив право голоса, может навязать правительству свою повестку реформ, как это произошло в 1863 г. на Дону, когда депутаты от станиц были допущены к разработке новых законоположений³⁵. Показательна реакция на идущие снизу предложения депутатов одного из лидеров либералов в правительстве, военного министра Д.А. Милютин: он заявил, что эти предложения «проникнуты духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества» и составлены «без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве», после чего прекратил демократические эксперименты при подготовке реформ в казачьих войсках, обосновывая это тем, что «вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти»³⁶. Если даже наиболее либеральные российские министры выступали против реальной демократии, при которой местные депутаты не адаптировали правительственные предло-

³⁰ Сватиков 1924. С. 383-384.

³¹ Донецкий 1899. С. 10.

³² Карасев 1896. С. 578.

³³ Волвенко 2017. С. 116.

³⁴ Столетие 1902. С. 275-276.

³⁵ Перетяцько 2018. С. 100-110.

³⁶ Милютин 2005. С. 184-185.

жения к местным реалиям, но пытались выступать с позиций защиты своих интересов, то что было говорить о консерваторах?

В результате на Дону традиционализм тесно сплетался с демократией, и консерваторы-казакоманы порой выступали с более демократических позиций, чем либералы. В ответ на статью, пропагандирующую либеральные реформы донского казачества казакоман Х.И. Попов писал: «Навязывать <реформы> насильно, да еще ценою нарушения коренного порядка, значит следовать убеждению, что народ не понимает своих выгод. А в самом ли деле не понимает? И не пора ли увериться в противном? Сам автор проповедует, что не должно “терять связи со своим временем”, а в нынешнее время многие государства отказались от подобного обидного мнения о народе, и не только не потеряли ничего от такой перемены, а, напротив, приобрели новую силу и прочность»³⁷. С другой стороны, логичным следствием существования демократических традиций была своеобразная «естественная демократичность» казаков, причудливо сочетающаяся с преданностью престолу. Даже среди донских дворян доминировал «либерализм консервативного типа, дистанцировавшийся от “леваков” и противостоящий правоконсервативному движению», причем этот политический либерализм (проявлявшийся в первую очередь в тяге к выборному началу) не мешал крайнему консерватизму в социальных вопросах³⁸. К удивлению российских консерваторов, и на выборах в Государственную Думу после 1905 г. на Дону нередко побеждали либералы и левые разного толка³⁹.

Большую часть интересующего нас периода государственный аппарат Российской империи препятствовал проявлению казачьего демократизма на государственном и региональном уровнях. В этих условиях основным органом казачьей демократии становились станичные сходы. Ничего удивительного, что достаточно долго казаки с большим уважением относились к этим органам и просили о расширении их полномочий. До 1892 г. станичный сход представлял собой архаичный орган, на котором каждый домохозяин имел право голоса⁴⁰. Но в глазах казаков это было плюсом, а не минусом. Так, в 1860 гг. станичные депутаты выступили с инициативой полностью упразднить промежуточную между атаманом и станицами военную инстанцию, окружные дежурства, а вместе с ними и сами округа, на которые в военном отношении была поделена Земля Войска Донского. Часть из них особенно возмущалась тем фактом, что окружные дежурства вмешиваются во внутренние дела станиц⁴¹, а другая часть обращала внимание на то, что руководители

³⁷ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 34. Л. 5об.

³⁸ Братолобова 2014. С. 66.

³⁹ Корниенко 2013. С. 65.

⁴⁰ Козлов, Козлов 2000. С. 121-122.

⁴¹ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 7.

окружных дежурств, окружные генералы, лишали станичные общества влияния на военную службу⁴². Но все станичные депутаты считали архаичную демократию средством против возможных злоупотреблений и нарушений закона: по их мнению, станичные сходы лучше всего справлялись бы с определением того, кому из казаков пришел срок прийти на службу, поскольку в случае нарушения пострадавший домохозяин, имеющий голос на сходе, не стал бы молчать⁴³. Увы, и на этом уровне отношение властей к казачьей демократии было неоднозначным: если в эпоху Великих Реформ станичное самоуправление оставалось демократичным, то при Александре III эта демократия оказалась фактически ликвидирована. С 1892 г. к участию в сходах допускались только выборные от десяти дворов, полномочия атаманов по «обеспечению порядка» на сходах были расширены, стал даже возможен арест десятидворного, и в итоге «порядочные, дельные и развитые домохозяева» часто отказывались участвовать в станичном самоуправлении⁴⁴.

Помимо трех «главных оснований» Донского войска Дондуков-Корсаков выделял еще три важнейших особенности донских казаков, отличающих их уже от казаков других войск. Из них только первая, которой князь уделил меньше всего места, была связана с «главными основаниями». Она заключалась в «своей истории» донского казачества, в существовании на Дону воспоминаний о «прежней самобытности»⁴⁵. Результатом был характерный для донских казаков взгляд на Россию – скорее внешний, чем внутренний. Даже в 1899 г. новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев, анализируя доклады донских депутатов в одной из правительственных комиссий, отмечал: «В докладах господ Донецкого, Мордвинцева и особенно Бирюкова довольно явно сквозит та мысль, что войско донское как бы совершенно особая часть государства, присоединившаяся к нему на известных условиях и долженствующая находиться в исключительном положении»⁴⁶. Подобных примеров немало: уже упоминавшийся П.А. Валуев в 1864 г. жаловался, что идущие с Дона проекты будущего устройства казачества содержат мысли о «неприкосновенности границ между составными частями всего государства» и об «обособлении страны»⁴⁷. Тут уместно вспомнить о феномене казачьего национализма и актуальном доньине вопросе о том, были ли казаки особым этносом, субэтносом или сословием. Б.С. Корниенко, посвятивший донским казачьим националистам дореволюционного периода монографическое исследование, отмечал отсутствие массовой поддержки у

⁴² ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 37-37об.

⁴³ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 70. Л. 7об-8; ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 38.

⁴⁴ Протоколы 1899. С. 119.

⁴⁵ Карасев 1896. С. 585.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 3.

⁴⁷ Волвенко 2014. С. 18.

данного политического движения⁴⁸. Однако, как видно из приведенных выше цитат, для донских казаков было характерно обособление от русского этноса, усиленное традицией замкнутости. В результате этого многие казаки одновременно и относили, и не относили себя к русскому народу. Харузин приводил в качестве характерного для казаков следующее утверждение: «Мы Расея, да не то, что вы»⁴⁹.

Следующей уникальной особенностью донского казачества Дондуков-Корсаков считал существование в его среде многочисленного и влиятельного дворянства. Фактически он обвинял правительство в том, что оно не всегда продуманными реформами последних десятилетий раскололо некогда однородное казачье сословие на две части, интересы которых все больше противоречили друг другу. Князь жаловался: «Казаки всеми средствами стараются выживать оставшихся в юртах их помещиков и офицеров, получивших пожизненные участки, с целью пользования большим количеством земли. Помещики, с своей стороны, совершенно равнодушны к общественным нуждам казаков». Впрочем, еще более опасным симптомом он считал выделение в среде дворян узкой аристократической прослойки, члены которой «преимущественно не знакомы совершенно с краем, народным бытом, остаются равнодушны к общим интересам массы». По словам князя, именно эти люди, благодаря своему влиянию, в значительной степени формируют общепринятый образ казачества, и поэтому «странно слышать в обществе выражение, что казаки “хотят того-то” или “тяготятся тем-то”, когда знаем, что мнения эти подчерпнуты из слов какого-нибудь богатого помещика или служащего, никогда не живущего на Дону, или молодого офицера, считающего лучшим средством доказать свое образование и современные понятия порицанием идеи казачества»⁵⁰.

Хотя нам не удалось обнаружить в дореволюционной литературе и архивных документах случаев влияния этой особенности донского казачества на местные традиции, нам показалось не лишним подробно остановиться на ней. Дело в том, что характерный для массового сознания образ казачества был сформирован в значительной степени текстами представителей критикуемой А.М. Дондуковым-Корсаковым части донской элиты, достоверность которых вызывает серьезные вопросы. Так, известнейшим (и популярным среди многих современных казаков) дореволюционным казачьим автором является П.Н. Краснов, пропагандировавший в своих книгах образ казака как «лихого конного воина»⁵¹. На наш взгляд, П.Н. Краснов, как и ряд других официозных дореволю-

⁴⁸ Корниенко 2013. С. 46-73.

⁴⁹ Харузин 1885. С. XXIX.

⁵⁰ Карасев 1896. С. 585-587.

⁵¹ Краснов 1909. С. 521.

ционных авторов, сильно преувеличивал значение военных традиций казачества, но его казачье происхождение и авторитет в определенных кругах заставляют отдельных современных деятелей возрождения казачества без должной критики относиться к работам этого писателя.

А последняя особенность донских казаков, указанная в «Записке о Войске Донском», была связана как раз с военными традициями. Князь писал: «Находясь на мирном положении, посреди других губерний Империи, казаки не несут у себя никакой пограничной службы, не стоят глаз на глаз с неприятелем и в домашнем быту своем имеют возможность пользоваться всеми выгодами гражданской жизни»⁵². Далее он пытался доказать неправоту тех людей, которые связывали с описанными им фактами падение боеспособности донских полков, подчеркивал «сметливость и другие военные качества казака», но ни словом не упомянул о существовании каких-то военных традиций в станицах⁵³. Зато на эту тему писал И.И. Краснов: «Служебное приготовление и развитие их <донских казаков> зависели некоторым образом только от домашних военных игр, которые, как утверждали старики, в старину существовали по станицам в значительных размерах, а потом, с началом настоящего столетия, стали ослабевать и, наконец, совершенно исчезли»⁵⁴. Его сын Н.И. Краснов в 1864 г. выражался так же определенно: «При всех врожденных способностях казака, он все-таки лишен военного воспитания до поступления своего на службу»⁵⁵. И.И. Краснов считал важнейшей задачей правительства как раз возрождение военных традиций в станицах, и посвятил первым опытам в этом направлении целую статью⁵⁶.

Таким образом, к 1860-х гг. военные традиции донского казачества находились в упадке, а воинские игры в станицах (шермиции) сохранились только в памяти стариков. В дальнейшем, судя по всему, ситуация несколько улучшилась благодаря попытке сверху возродить эти традиции. Во всяком случае, в 1871 г. Д.А. Милютин писал после смотра молодых казаков в Новочеркасске: «Я был приятно удивлен, увидев пред собой вместо ожидаемых неловких юношей, только что посаженных на коней, отличных наездников, которые не только проделали полковое учение, но почти все проскакали мимо меня с джигитовкой, не хуже знаменитых “линейных” казаков кубанских и терских. Вообще я вынес заключение, что принятые в последнее время меры для обучения молодых казаков принесли заметные плоды и поддержали в донских казаках воинственную выправку, привычку к коню и молодцеватость»⁵⁷. Одна-

⁵² Карасев 1896. С. 587.

⁵³ Карасев 1896. С. 587-591.

⁵⁴ И.К. 1865. С. 73.

⁵⁵ Краснов 1864. С. 229.

⁵⁶ И.К. 1865.

⁵⁷ Volvenko 2016. S. 406.

ко успехи в этом направлении были не так велики, как хотелось Военному министерству, и, вопреки представлениям о казаках как о «лихих конных воинах» некоторые донцы даже не умели сносно ездить верхом. Так, в 1897 г. при проверке казачьих новобранцев 18 человек из 36-ти показали неудовлетворительные и слабые навыки верховой езды, а 10 из 28 – неудовлетворительные и слабые навыки владения оружием. Немногим лучшую картину содержали и данные за другие годы⁵⁸.

Подведем итоги. В отличие от некоторых других дореволюционных (П.Н. Краснов) и современных (А.П. Кашкаров) авторов А.М. Дондуков-Корсаков считал важнейшими традициями казачества традиции не религиозные (их он не упоминал вовсе) и не военные (которым он отвел в своем тексте минимум места), но традиции социально-правовые. Он выделял три «главных основания казачества», причем, по его мнению, два из этих оснований являлись причинами исторической устойчивости Донского Войска. Речь идет о традиции особого «поземельного начала» на Дону, в рамках которого вся территория Земли Войска Донского находилась в войсковой собственности, и традиции «замкнутости казачества», не позволяющей казакам смешиваться с другими сословиями государства. Князь считал, что благодаря законодательному закреплению этих традиций на Дон не допускался «новый, независимый от учреждений войска, элемент», что обеспечивало изоляцию региона от остальной России и сохранение в нем статус-кво, в условиях которого хорошо работали имеющиеся институты Донского Войска. Третьей важнейшей традицией донского казачества Дондуков-Корсаков считал «выборное начало», хотя и не играющее стабилизирующей роли, но зато соответствующее актуальным либеральным идеям.

Другие источники второй половины XIX – начала XX в., хотя и не выделяют наиболее важные традиции казачества, подтверждают существование тех трех традиций, на которые обращал внимание Дондуков-Корсаков. Различна только их оценка: далеко не все авторы считают «главные основания казачества» и проистекающие из них менее значительные традиции благом. В частности, В.Д. Новицкий связывал отсутствие у казаков частной собственности на землю с принятым в их среде неуважением ко многим видам собственности. А.А. Чигринцев критиковал «донской патриотизм», представление об особом статусе Донского Войска в Российской империи, считая его вредным и осложняющим отношения с имперской властью. Даже демократические традиции донских казаков, по свидетельству А.И. Чернышева, вели порой к избранию на чиновничьи должности «не имеющих общего к себе доверия людей».

Более того, традиции войсковой собственности на землю и замкнутости казачьего сословия, а также проистекающие из них последствия,

⁵⁸ Протоколы 1899. С. 7-8.

которые обеспечивали стабильность казачества в первой половине XIX века, во второй его половине вступили в явное противоречие с изменившимися условиями. Из-за роста населения постепенно исчезали свободные земли и, в отсутствие уважения к земельной собственности, начались попытки сбора урожая с чужих участков и конфликты из-за земли, доходящие до кровопролития. Проникнутые «донским патриотизмом» казаки откровенно ксенофобски относились к пришлому населению, численность которого быстро росла. В особенно тяжелом положении оказались русские, принадлежность к которым стала поводом к унижениям и оскорблениям. Все это завязывало узел социальных противоречий, который был разрушен только кровавой Гражданской войной.

Те «главные основания казачества», которые выделил А.М. Дондуков-Корсаков в своей «Записке о Войске Донском», вопреки желанию самого автора показывают, что донские казачьи традиции не стоит идеализировать. Эти традиции – порождение определенных социально-политических условий, и они были эффективным инструментом обеспечения стабильности казачества, только пока эти условия существовали. Когда же они изменились, то, что было некогда полезным, начало приносить вред. Поэтому традиции донского казачества должны изучаться, но никак не рассматриваться в качестве вневременных заветов предков, или обязательных правил «настоящего казака».

Об опасности культивирования устаревших казачьих традиций свидетельствует и дальнейшая ситуация вокруг «Записки о Войске Донском». Сама она едва ли могла повлиять на государственную политику: по крайней мере, в своих воспоминаниях Д.А. Милютин не только не упоминал о данном документе, но и описывал Дондукова-Корсакова как беспринципного интригана, образовавшего «около себя партию, которая, под видом охранения старинных казачьих привилегий и обычаев, оказывала сопротивление всем предпринимаемым Военным министерством нововведениям»⁵⁹. Тем не менее, даже после удаления князя с Дона в 1862 г. недовольство этой политикой в казачьей среде продолжало возрастать, и осенью 1863 г. Войску Донскому была дарована высочайшая грамота, гарантирующая «ненарушимость существующего образа казачьего служения». Уже упоминавшийся А.А. Карасев, бывший тогда одним из казакоманов, усматривал в этом если не победу идей Дондукова-Корсакова, то, по крайней мере, серьезную уступку им со стороны властей⁶⁰. Однако в старости он же считал, что для будущего казачества было бы куда лучше, если бы казакоманы тогда полностью проиграли в своем конфликте с Военным министерством и прогрессистами, и наиболее архаичные традиции донского казачества были бы уничтожены

⁵⁹ Милютин 1999. С. 376-377.

⁶⁰ Карасев 1896. С. 571.

сверху. В 1900 г. один из последних живых сторонников А.М. Дондукова-Корсакова с сожалением писал: «Из прежних «казакоманов» мало осталось в живых, только одна тогдашняя молодежь, теперь в стариков обратившаяся... Ей теперь немного стыдно, что она ратовала за неотменимость старых устоев казачьего существования, за закрепощение казака, теперь так тяжело на нем отозвавшееся»⁶¹.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Государственный архив Ростовской области (ГАРО), Фонд 55. Личн. фонд Х.И. Попова
- Братолобова М.В. Общественно-политическая активизация донского дворянства в начале XX в. и «дворянский либерализм» // Вестник Волгоградского гос. университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 1. С. 62-69 [Bratolyubova M.V. Obshchestvenno-politicheskaya aktivizatsiya donskogo dvoryanstva v nachale XX v. i «dvoryanskii liberalizm» // Vestnik Volgogradskogo gos. universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. № 1. S. 62-69].
- Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов-на-Дону. 2005 [Vodolatskii V.P., Skorik A.P., Tikidzh'yan R.G. Kazachii Don: ocherki istorii i kul'tury. Rostov-na-Donu. 2005].
- Волвенко А.А. Нереализованный проект Положения о войске Донском // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 20-24 [Volvenko A.A. Nerealizovannyi proekt Polozheniya o voiske Donskom // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2006. № 1. S. 20-24].
- Волвенко А.А. О праве на зачисление в войсковое казачье сословие (XIX-нач. XX в.) // Российское казачество. История, проблемы возрождения и перспективы развития. Краснодар, 2012. С. 138-140 [Volvenko A.A. O prave na zachislenie v voiskovoe kazach'e soslovie (XIX-nach. XX v.) // Rossiiskoe kazachestvo. Istoriya, problemy vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya. Krasnodar, 2012. S. 138-140].
- Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20 [Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoi politike epokhi «Velikikh reform». (1860-1870 gg.) // Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. T. 16. №3. 2014. S. 12-20].
- Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднейимперский период (II пол. XIX – нач. XX в.). Ростов-на-Д., 2017 [Volvenko A.A. Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskii period (II pol. XIX – nach. XX v.). Rostov-na-Donu, 2017].
- Донецкий А.А. Доклад члена Комиссии А.А. Донецкого по вопросу о причинах обеднения Донского казачьего войска и о мерах к восстановлению его благосостояния. Новочеркасск, 1899 [Donetskii A.A. Doklad chlena Komissii A.A. Donetskogo po voprosu o prichinakh obedneniya Donskogo kazach'ego voiska i o merakh k vosstanovleniyu ego blagosostoyaniya. Novochechkassk, 1899].
- И.К. Обучение молодых казаков в Донском войске // Военный сборник. 1865. № 1. С. 73-89 [I.K. Obuchenie molodykh kazakov v Donskom voiske // Voennyi sbornik. 1865. № 1. S. 73-89].
- Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167-174 [Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862–1863 godakh // Istoricheskii vestnik. 1900. № 80. S. 167-174].
- Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569-591 [Karasev A.A. Zapiska knyazyza A.M. Dondukova-Korskakova o Zemle Voiska Donskogo // Russkii arkhiv, 1896. Kn. 12. S. 569-591].
- Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 95-125 [Kozlov A.A., Kozlov A.I. Imperskaya politika

⁶¹ Карасев 1900. С. 173.

- ogosudarstvleniya, militarizatsii i zakrepushcheniya kazakov v XIX – nachale XX veka // Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee. Volgograd, 2000. S. 95-125].
- Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013 [Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914). SPb., 2013].
- Королев В.Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с. [Korolev V.N. Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh. Rostov-na-Donu, 1991. S. 464].
- Краснов И.И. О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343-356 [Krasnov I.I. O narodnosti v Donskom voiske // Voennyi sbornik. 1862. № 4. S. 343-356].
- Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864 [Krasnov N.I. Voennoe obozrenie Zemli Voiska Donskogo. SPb, 1864].
- Краснов П.Н. Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909 [Krasnov P.N. Kartiny bylogo Tikhogo Dona. SPb., 1909].
- Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999 [Milyutin D.A. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860-1862. M., 1999].
- Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865-1867. М., 2005 [Milyutin D.A. Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1865-1867. M., 2005].
- Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991 [Novitskii V.D. Iz vospominanii zhandarma. M., 1991].
- Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Фонд 1055. Личный фонд Н.А. Маслаковца [Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB), Fond 1055. Lichnyi fond N.A. Maslakovtsa].
- Перетягко А.Ю. К истории одного текста: «Положение об управлении Донского войска» 1860-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 2. С. 100-110 [Peretya'ko A.Yu. K istorii odnogo teksta: «Polozhenie ob upravlenii Donskogo voiska» 1860-kh godov // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 23, № 2. S. 100-110].
- Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899 [Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti. B.m., 1899].
- Российский государственный исторический архив (РГИА), Фонд 932. Дондуков-Корсаков Алексей Михайлович [Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA), Fond 932. Dondukov-Korsakov Aleksei Mikhailovich].
- Рыблова М.А. Кулачные бои у донских казаков // Дикаревские чтения. Краснодар, 2001. С. 83-88 [Ryblova M.A. Kulachnye boi u donskikh kazakov // Dikarevskie chteniya. Krasnodar, 2001. S. 83-88].
- Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002 [Ryblova M.A. Traditsionnye poseleniya i zhilishcha donskikh kazakov. Volgograd, 2002].
- Рыблова М. А. Статья воином: традиции социализации юношей и подготовки воинов в донской казачьей общине. Волгоград; Ростов-на-Дону, 2016 [Ryblova, M. A. Staf' voinom: traditsii sotsializatsii yunoshei i podgotovki voinov v donskoi kazach'ei obshchine. Volgograd; Rostov-na-Donu, 2016].
- Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917 гг.). Белград, 1924 [Svatikov S.G. Rossiya i Don (1549–1917 gg.). Belgrad, 1924].
- Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.2. СПб., 1902 [Stoletie voennogo ministerstva. 1802-1902. T. XI. Ch.2. SPb., 1902].
- Тикиджьян Р.Г. Донское казачество в конце XIX – начале XX века. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013 [Tikidzh'yan R.G. Donskoe kazachestvo v kontse XIX – nachale XX veka. Istoricheskii portret. Saarbrücken, 2013].
- Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: материалы для обычного права: вып. 1. М., 1885 [Kharuzin M.N. Svedeniya o kazatskikh obshchinakh na Donu: materialy dlya obychnogo prava: vyp. 1. M., 1885].
- Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part III // Russkaya Starina. 2015. Vol.(15). Is. 3. P. 194-207.
- Volvenko A.A. D.A. Milyutin and Cossacks // Bylye Gody. 2016. Vol. 40. Is. 2. P. 398-411.

Перетяtko Артем Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник совместной лаборатории Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований (Вашингтон, США) и Волгоградского государственного университета (Российская Федерация); ArtPeretatko@yandex.ru

Three "main foundations of the Cossacks": the opinion of a Russian conservative Prince A.M. Dondukov-Korsakov and his contemporaries about the most important traditions of the Don Cossacks

The article is devoted to the analysis of the well-known historical document, "Zapiska o Voiske Donskom" by Prince A.M. Dondukov-Korsakov, as a source about the traditions of the Don Cossacks. A.M. Dondukov-Korsakov allocates the three most important traditions of the Don Host: land use system, closed nature and electivity. The author compares his statements with other sources and comes to the conclusion that these three traditions really played a big role in the existence of the Don Cossacks. They spawned other traditions (for example, closed nature of the Cossacks gave birth to a specific "Donskoy patriotism"). But the unequivocal positive assessment of these traditions, which was characteristic of the Don conservatives in the past and the present, contradicts many historical facts.

Keywords: Don Cossacks, Cossack traditions, A.M. Dondukov-Korsakov, land use system of the Don, closed nature of the Cossacks, electivity in the Don Host

Artyom Peretyatko, PhD (History), Leading researcher, the Joint Laboratory of the International Network Center for Fundamental and Applied Research (Washington, USA) and Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation); ArtPeretatko@yandex.ru